

НЕСБЫВШАЯСЯ ЖИЗНЬ

Мария Метлицкая

— комплект из 2 книг —

Мария Метлицкая
Несбывшаяся жизнь. Комплект
из 2 книг Марии Метлицкой
Серия «Женские судьбы. Уютная
проза Марии Метлицкой»
Серия «Несбывшаяся жизнь»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73977032
ISBN 978-5-04-248479-7

Аннотация

Комплект из 2 книг – платите меньше, читайте больше!

В состав входят: «Несбывшаяся жизнь. Книга первая»,
«Несбывшаяся жизнь. Книга вторая».

Комплектом выгоднее, чем покупать книги по отдельности.
«Несбывшаяся жизнь. Книга первая».

Женские судьбы всегда в центре внимания Марии Метлицкой.
Каждая читательница, прочтя ее книгу, может с уверенностью
сказать, что на душе стало лучше и легче: теплая интонация,
жизненные ситуации, узнаваемые герои – все это оказывает
психотерапевтический эффект.

Лиза росла без материнской ласки – ее детство прошло под надзором строгой тетки, мам-Нины. Любовь звучала как упрек, ложь окружала со всех сторон, а правда казалась опасной...

Теперь, когда Лиза стала взрослой, судьба дарит ей испытание сложнее любых экзаменов: в ее жизни появляется маленькая девочка, такая же брошенная и пугливая... Но способна ли Лиза дать ей то, чего сама была лишена? Сможет ли при этом обрести собственное женское счастье?

Роман о хрупких нитях родства, о боли и прощении. О любви, которую нельзя планировать, но которую можно выбрать.

«Несбывшаяся жизнь. Книга вторая».

Женские судьбы всегда в центре внимания Марии Метлицкой. Каждая читательница, прочтя ее книгу, может с уверенностью сказать, что на душе стало лучше и легче: теплая интонация, жизненные ситуации, узнаваемые герои – все это оказывает психотерапевтический эффект.

Лиза стала матерью – и только тогда по-настоящему поняла, что значит быть дочерью. Измученная потерями, она пытается найти свое место под солнцем.

Когда-то брошенная сама, Лиза не способна на предательство. И она бесконечно борется – за жизнь родных, благополучие дочери, собственные чувства... Но не было бы счастья, да несчастье помогло: в Лизиних руках появляется новое хрупкое чудо. Хватит ли у нее сил нести его вперед?

Лиза учится прощать, принимать и, наконец, позволять себе быть счастливой. В этой истории – всё, что бывает в настоящей жизни: вина, прощение и надежда.

*Цена комплекта рассчитана исходя из базовых цен. Во время акционных предложений цена отдельных книг может меняться.

Содержание

Несбывшаяся жизнь	5
Часть первая	7
1	7
2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**Мария Метлицкая
Несбывшаяся жизнь.
Комплект из 2 книг
Марии Метлицкой**

**Несбывшаяся жизнь
Книга первая**

© Метлицкая М., 2025

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2025

Часть первая

Бедная Лиза

1

Правду Лиза узнала в шесть лет – разумеется, от подружки Ритки. И про мам-Нину, и про собственную мать – родную сестру мам-Нины.

– Какая она тебе мама? – фыркнула Ритка. – Тетка она тебе. Материна сестра.

Странно, но создалась мам-Нина сразу. Логика была простой: мол, Лизе скоро в школу, она все равно бы узнала, да и утаивать никто не собирался.

И протянула Лизе метрику.

В графе «отец» было написано: Топольницкий Владимир Иванович.

В графе «мать» – Топольницкая Мария Александровна.

И никакой мам-Нины.

Тетка оказалась опекуном.

Лиза от неожиданности расплакалась и все повторяла:

– Ну почему, почему?..

Тетка и рассказала. Почему, что да как.

Они шли по Кировской записываться в первый класс. Мам-Нина цепко держала Лизину руку. Тут все и выясни-

лось: родная теткина сестра, Лизина мать, оказалась человеком пропавшим.

– Почему пропащим? – не поняла Лиза. – Она пропала?

– Да по всем статьям! Мало того что родила тебя от женатого, так еще и воровала вместе с ним. Вот и сели вместе, вдвоем с подельничком. И на что рассчитывала? В советской стране законы работают, – бодро и горделиво продолжала тетка, – и нечего всякому вору!..

Лиза оторопела. Получалось, что ее мать воровка?.. Да врет тетка, врет! Не может быть такого!

В те минуты Лиза ее ненавидела. Дышать стало тяжело, невозможно.

«И никакая она мне не мам-Нина. Не мам... а теть-Нина!..»

Лиза выдернула из колючей и жаркой теткиной руки свою вспотевшую ладошку и остановилась.

– Не пойду с тобой! – тонко выкрикнула она. – Не хочу в школу! И жить с тобой больше не буду! Отведи меня в детский дом!

– Отведу, – кивнула тетка, – запросто отведу. Хоть завтра. Думаешь, ты такой подарок? Накорми тебя, одень, обуь!.. А когда болеешь? По сто раз к тебе вскакиваю! А мне с утра на работу.

Тетка нахмурилась и больно дернула Лизу за руку.

– И давай поторапливайся! Ишь, козявка, характер тут свой показывает! С матерью твоей справилась, думаешь, с

тобой не справлюсь? Пугать меня вздумала, засранка сопливая!

Лиза тащилась за теткой, а про себя повторяла:

«Все равно убегу. Прямо сегодня и убегу! Потому что ненавижу».

* * *

Не убежала.

Зашли в школу, и Лиза растерялась – как красиво! Голубые стены, блестящие полы. На стенах плакаты и картины, на подоконниках горшки с цветами. Из буфета вкусно пахнет печеным.

А дома висела на стуле только что купленная, красивая до невозможности школьная форма: коричневое платье с юбкой в мелкую складочку. Покружишься – и юбка разлетается, а на платье белый кружевной воротничок. А к платью два фартука: парадный белый и черный, повседневный, то есть на каждый день. И оба с чудесными крылышками! Как Лиза об этом мечтала! И о школе мечтала: ведь новая взрослая жизнь.

Тетка была занудной и вредной, но Лиза все-таки знала и чувствовала, что та ее любит. Переживает, когда Лиза болеет. А болеет она часто – сплошные ангины и бронхиты. По словам тетки, вообще ничего не пропускает, цепляет все гадости, что есть на белом свете – ветрянки, кори, краснухи...

И тогда тетка бежит вокруг с перепуганными глазами и все спрашивает:

– Хочешь конфеток или печенья? А может, пирожных? Сейчас сбегаю в кулинарию, эклерчиков куплю... Или картошки?.. А лимонад? Хочешь, за «Буратино» сбегаю?

В обычные дни ничего такого от нее не допросишься, зато в болезнь все Лизины капризы выполнялись. Но ничего такого Лиза не требовала: лежала себе и болела. И есть не хотела, даже самое вкусное. Тетка вскакивала по ночам, трогала Лизин лоб, укрывала одеялом и гладила по голове.

Смотрела перепуганными глазами:

– Как ты, ласточка моя?

И опять трогала лоб и мерила температуру.

Она и хорошая, и плохая – ее мам-Нина.

Плохая, когда кричит. Но еще хуже, когда воспитывает. Скрипит как несмазанная дверь, монотонно выговаривая и поучая. Бубнит час или два и повторяет, мол, у тебя, Лиза, гены плохие. От теткинго бубнежа Лизу начинало тошнить. Лиза бледнела, прикрывала глаза, и только тогда тетка испуганно замолкала.

– Водички, Лизонька? Или чаю? Свежего заварю, крепкого! С лимончиком, а? Иди в постельку, родная моя, иди лежи!

Подлизывалась.

И на день рождения тетка дарила все, о чем Лиза мечтала, не скупилась. Раз в году можно быть доброй. А так-то мам-

Нина была жадюгой: часами стояла в очереди за дешевым, а потом два часа хвасталась, что полтора часа отстояла, зато кабачки по семь копеек взяла. А рядом, мол, по двенадцать и без очереди.

– Ничего, постою, не принцесса. У нас с тобой каждая копеечка, Лизонька, на счету! Мы с тобой, Лизонька, сиротки: ты да я.

Готовить мам-Нина не умела, все было невкусно. Лиза морщилась, но ела, не хотела ее обижать.

И еще мам-Нина была некрасивой. Такой некрасивой, что даже Лизе ее было жалко. Не повезло тетке: высокой, жилистой, худой, с длинными руками-лопатами, огромными мужскими ступнями... Но главное – совсем лошадиным лицом.

– Тетка твоя на лошадь похожа! – говорила подружка Ритка.

Обидно, но это была чистая правда. Лицо у мам-Нины длинное, узкое, а глазки маленькие, к носу близкие. Да и нос не удался – широкий и длинный, как у утки (по словам той же Ритки). Еще и зубы металлические: два сверху и три снизу, бр-р-р.

Риткина мать, соседка Полечка, была кулинаркой. Лиза обожала еду, приготовленную Полечкой.

Полечка учила соседку, а та никак.

– Какая же ты, Нинка, неспособная! Ну что здесь сложного? – вздыхала Полечка. – Ох, ну и руки у тебя, Нинка, ну и крюки! Только и годятся, чтобы тряпкой махать!

Полечка – полная противоположность мам-Нине: красивая, миниатюрная, с тонкой талией и широкими бедрами, с полными ножками и высокой красивой грудью. Лицо у Полечки нежное, милое, а кожа белая, с редкими веснушками, и носик курносый зазорный, и большие голубые глаза. Полечка всегда в настроении, всегда всем довольна, всегда улыбается. Хотя жизнь и у нее не сахар – Полечка тоже одна. И Ритку воспитывала одна, без мужа, и работала много, а все равно была веселой. Не то что вечно хмурая мам-Нина.

* * *

Квартира у них была коммунальная – хорошая, в самом центре, на Кировской. Хорошая, но немного странная: говорили, что до революции в ней жили две сестры. Жили-жили, а потом разругались и квартиру разделили – две комнаты старшей, полторы младшей. Эти-то полторы и достались мам-Нине с Лизой.

Большая комната – квадратная, с тремя высокими окнами. Из нее выходила арка, углубление, образуя те самые вторые полкомнаты. «Будуар», как называла его Полечка. В будуар помещалась Лизина кровать, узкий одностворчатый шкаф для одежды, три подвесные книжные полки, сделанные плотником из ЖЭКа, и стул. Зато был широкий, в полметра, подоконник, служивший Лизе письменным столом, – на котором помещались тетради с книгами и горшок с розо-

вой геранью.

Тетка жила в первой комнате, которую называли гостиной. Там были кровать, большой круглый стол, четыре старых венских стула и трехстворчатый шифоньер – со скромными нарядами, одеялами, коробками с бумагами и даже старой швейной машинкой, доставшейся мам-Нине по наследству. На окнах висели бледно-зеленые бархатные шторы, обвисшие и вытертые, тоже доставшиеся по наследству, и менять их тетка не хотела.

Только люстра была красивой: старинной, бронзовой, с завитушками и ангелочками.

На подоконниках мам-Нина разводила цветы, но и это у нее не получалось. Самые неприхотливые – герань, щучий хвост, бегония – вечно болели и увядали. Тетка расстраивалась, искренне не понимая, почему у соседки все цветет пышным цветом, а у нее все никак...

– Ох, Нинка, – снова вздыхала Полечка, – ну какая же ты *неталантливая!*

Маленькая прихожая переходила в длинный (и бестолковый, по словам Полечки) коридор, который упирался в совсем небольшую и темную кухню.

Так себе была эта маленькая кургузая кухонька.

Небольшой Полечкин буфет, две тумбы с крупами и кастрюлями, подвесной кухонный шкафчик мам-Нины. Раковина, газовая плита и общий, на две семьи, небольшой обеденный стол – присесть и наспех перекусить, потому что обе-

дали и ужинали в комнатах.

Дверь из кухни вела в две смежные, но просторные комнаты окнами на Кировскую – к Полечке и Ритке.

У соседок было уютно. Пестрые легкие шторы, полированная польская мебель, кресла на тонких ножках, изящный журнальный столик, горка с посудой, трюмо. И люстра была современной – легкой, красивой, блестяще-золотистой, с разноцветными плетеными колпачками. А еще Полечка обожала красивые вещи и *умела* их доставать: хрустальные ладьи, фарфоровые фигурки, настенные тарелки и даже всякие картины с пейзажами-натюрмортами.

Красиво было у Полечки, модно. Не то что сплошное старье у мам-Нины с Лизой.

Но не светлым и нарядным комнатам завидовала Лиза.

Лиза завидовала Ритке, что у нее такая мама – легкая, веселая, умелая Полечка, которой все нипочем. И дома у них красота, и готовит Полечка замечательно, и печет – пальчики оближешь, и одевается красиво, да и Ритка вон куколкой ходит. И ласковая... Целует дочку, обнимает, а та, дурочка, вырывается... «Мам, хватит! Мам, отстань!..»

Лиза бы не вырывалась. От Полечки бы точно не вырывалась. А от мам-Нины...

Куда там: мам-Нина никого не обнимала и не целовала. Да она и не душистая, красивая, нарядная Полечка, пахнущая духами и сладкими булочками...

Зато Лизе очень нравился свой альков. Ляг на подоконник – и видна улица, любимая Кировская. Справа магазин «Чай-кофе» – китайский домик-пагода, второго такого во всей Москве было не сыскать. А как там пахло!.. Лиза заскакивала на минутку и закрывала глаза, дыша сладко-горьким, божественным ароматом.

А вот в рыбном, на углу улицы, пахло не очень. Зато там продавалась черная икра. Икра возлежала в эмалированных белых лотках – совсем черная, матовая, как свежий асфальт, или светло-серая, блестящая, как крохотные драгоценные камешки, – дорогушая...

В переулке был маленький, словно игрушечный, домик – магазин «Молочный», а у метро – Главпочтамт, пропитанный запахом расплавленного сургуча.

Кировскую девочки знали как собственную квартиру. Дом со львом и щитом, а по бокам – «Инструменты», «Спорттовары», магазин «Охотник» и столовая, из которой всегда доносился запах тушеной капусты. Проходя мимо столовки, Лиза и Ритка корчили рожицы, зажимали носы и с криком «фуууу» припускались бежать.

А дальше был «Дом фарфора», который они обожали. Как же там было красиво! Огромные вазы, хрустальные люстры. И всегда куча народу, всегда большущие очереди.

Впрочем, очереди ведь повсюду были: за колбасой и сыром, за шоколадным маслом и мороженой рыбой.

А однажды в «Детском мире» мам-Нина три часа отстоя-

ла за простыми сандалиями для Лизы – потому что наступало лето, а старые, прошлогодние, износились. Мам-Нина еле доковыляла до дома и рухнула на пороге с давлением. Даже скорую вызывали.

Она неплохая, ее мам-Нина. Только занудная, вредная и неласковая – ни за что не пожалеет.

Не то что соседка Полечка: Ритка пальчик уколёт, а Полечка целует его, и Ритку целует – не плачь, моя маленькая! А мам-Нина только ворчала да бурчала: прочитай, сделай, вымой, выучи и снова прочитай...

И бурчала, и бурчала. А еще тетради с дневником без конца проверяла. Бурчала – проверяла, проверяла – бурчала, и так по кругу.

И чем была недовольна? Училась-то Лиза прекрасно.

Было обидно. Но Полечка объяснила Лизе, что тетка отвечает за Лизу, потому и волнуется.

– Перед кем отвечает? – уточнила Лиза.

– Перед собой, – не растерялась Полечка. – Ну и перед тобой!

Она-то на Ритку не ругалась, хоть та училась плохо. Так, слово скажет, и все.

* * *

Мам-Нина работала на двух работах – для того, чтобы *выжить*.

Первая и главная работа была «на гардеробе». Гардероб был непростой, в *ведомственной* поликлинике, и мам-Нина этим гордилась.

Вторая работа – там же, в поликлинике. Когда поликлиника закрывалась, мам-Нина мыла полы. А коридоры были длинные, широкие, и туалеты большие, и холлы огромные! Вот мам-Нина и уставала. Ни рук, ни ног не чувала, приходила как побитая.

– А ты потаскай тяжелые пальто! Есть килограммов по шесть, а то и по восемь! Драп, ватиновая подкладка, – перечисляла мам-Нина, – а если воротник? Еще килограмм! А шуба? Ты подними ее, шубу! Возьми, перекинь через борт, опять подними, повесь, потом сними, потом подай! Да с улыбочкой еще, да с поклоном...

Руки у мам-Нины – красные и распухшие, как клешни у рака.

Полечка работала провизором в аптеке, поэтому у нее водились знакомства и блаты. С Полечкой все хотели подружиться: хорошие лекарства достать сложно.

Знакомства у Поли были везде – и в рыбном, и в домике-пагоде «Чай-кофе», и в Сороковом гастрономе, и в «Детском мире».

Поэтому Ритка и одета была как куколка – во-первых, блат, а во-вторых, Полечка и сама рукастая, не то что мам-Нина.

Полечка и шила, и вязала. А по субботам пекла: пирож-

ки, пироги, тортики – запах стоял такой, что одуреть можно. Принесет Полечка тарелку с пирожками, а через полчаса их уже нет – Лиза сметает.

– Ешь-ешь, – говорила мам-Нина. – Я не хочу.

И еще Полечка запасы на зиму делала, *закрутки* – помидоры, огурцы, разноцветные перцы. Красота, глаз не оторвать. И вкуснота. Лиза с Риткой зимой по-тихому баночку стырят и съедят. Полечка потом заметит и посмеется. Добрая была, не то что мам-Нина.

Полечка учила соседку банки закатывать. Рядом стояла, следила, а все равно без толку – у Полечки банки стоят, а мам-Нинины взрываются.

– Рукожопая ты, Нинка! – опять вздыхала Полечка. – Лучше не берись...

В своей неудавшейся жизни тетка винила Лизу. И замуж не вышла, потому что Лизу подкинули, и техникум не окончила из-за нее же...

Свободу потеряла из-за нее.

У тетки была своя правда. Могла ведь отдать племяшку в детдом и жить как хочется, ан нет, свободой своей пожертвовала. Выходит, это из-за нее, из-за Лизы, у тетки жизнь переломана, она в этом виновата...

Потому Лиза ее и жалела. Бедная мам-Нина – некрасивая, неумелая, с тяжелым характером, да и больная – то давление мучает, то ноги отекают, то еще болезнь сахарная началась...

А Лиза в мать: неблагодарная.

Мам-Нина плачет, и Лиза ее обнимает. А как отплачется, так снова бубнит: сковородку не вымыла, картошку не почистила, пыль не вытерла, за молоком не сходила! И так весь день: «бу-бу-бу» да «бу-бу-бу», сил нет слушать. И жалость тут же проходит, одно раздражение остается.

2

Лиза была худая и высокая, выше всех в классе. Волосы темные, кудрявые, глаза карие. Молчаливая, неулыбчивая, хмурая. В общем, царевна Несмеяна.

Ритка была маленькая, пухленькая, хорошенькая – в мать. Волосы рыжие, кудрявые. Глаза голубые, губки бантиком. Кокетливая – тоже в мать, и улыбочивая такая же. А еще – вредная и злопамятная, требовательная: все всегда по ней должно было быть. Как говорила мам-Нина – с виду ангел, а изнутри бес.

На летние каникулы Полечка с Риткой уезжали на море. Возвращались красивые, загорелые, с подарками. Привозили большие, бежево-розовые, блестящие ракушки, красивые до невозможности. Запаха моря Лиза не знала, но ей казалось, что ракушки пахли морем. Еще заколки привозили красивые, бусики пластмассовые, а такого девичьего добра в Москве еще не было.

И вот однажды, лет в десять, Лиза у Ритки спросила, крутя

в руках подаренные бусики:

– А ты мою мать, случайно, не видела?

– Случайно видела, – усмехнулась Ритка. – И ты случайно видела!

– Я-я-я? – удивилась Лиза. – Ты что, серьезно?

– Да ты забыла. – Ритка небрежно махнула рукой. – Тебе года четыре было, вот ты и не помнишь. А мне пять, вот я и запомнила. Ночью она приходила, мы от звонка и проснулись.

И Ритка стала рассказывать, что было той ночью.

– Слышу я, тетя Нина орет, гонит кого-то. Гонит и последними словами кроет, похлеще дворника Степана. Я обалдела и нос высунула – интересно! А мамка моя уже в коридоре стоит, пытается Нинку уговорить. Но Нинка не успокаивается, орет и орет.

Лиза замерла и похолодела вся. А Ритка запросто так продолжала:

– Смотрю, в коридоре женщина стоит. Высокая, красивая, в черном пальто и платке оренбургском. Красивая, как актриса Целиковская, только темненькая. Все в квартиру пытается пройти, а тетка ее не пускает, толкает, из двери выпихивает и милицией грозит. А та плачет, причитает: «Отдай моего ребенка!» А Нинка ее в грудь кулаком как шархнет: «Нет у тебя, зэчки, ребенка!» А мамка моя их разнимает.

А тут ты проснулась и выкатилась, и как давай реветь! Эти две замерли, прям застыли. А ты орешь. Ну мамка моя тебя

подхватила и к нам в комнату. Ты долго редела, видно перепугалась. А потом уснула на моей кровати. И со страху надула! Я просыпаюсь – огромная лужа! И как заору – мам, забери ее от меня, она меня обсикала!

Ритка громко и радостно расхохоталась.

– Ну мамка тебя и отнесла. А я пошла в туалет. Уже было тихо, дверь закрыта, никого. И я поняла, что спровадили эту Целиковскую, обошлись без милиции.

– Ты уверена, что это была она? – тихо спросила Лиза.

– Ну а кто? – удивилась Ритка. – Она же вопила: «Отдай моего ребенка, воровка!» Конечно она!

– А что ты еще про нее знаешь?

Ритка пожала плечами.

– Да ничего. Мамка сказала: «Не лезь, не твое дело. Несчастливая семья. А нам и без них забот хватает». И еще, что сами виноваты, только кто – я не поняла. Да мне и неинтересно было. Сказала только, что мать твоя куда-то уехала, а тебя могли сдать в детский дом. Но Нинка тебя забрала, в приют не отдала и жизнь тебе посвятила. Хотя, – Ритка засмеялась, – кто б ее взял, нашу Нину? Она же не женщина, бубнилка занудная! Да к тому же старая и страшная как атомная война!

– Не понимаю, – покачала головой Лиза. – Если мать посадили, как она могла прийти?

Ритка раздраженно тряхнула головой:

– А я почему знаю?

И Лиза поняла, что любимой подружке говорить на эту тему надоело.

И опять стало обидно за мам-Нину. Вроде все правда, а нехорошо. Нехорошо так о ней говорить – «страшная», «зануда», «бурчала»...

Разозлилась на Ритку и ответила:

– А твоя мама красавица, но муж ее все равно бросил.

Конечно, это было неправильно, зло. И Полечку Лиза любила. Но с Риткой тогда поссорилась – надолго поссорилась, дней на пять. А потом мириться пришла, первой – от Ритки не дождешься. Потому что без подружки плохо и скучно, а Лиза знала, что Ритка никогда вину не признает и не извинится. Такой уж характер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.